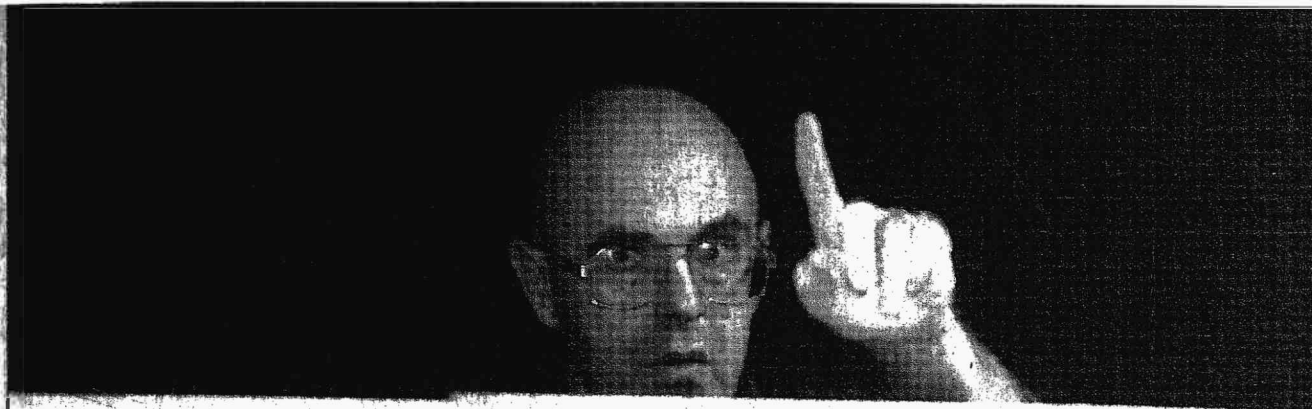

Общая газета. — 2000. — 6-12 апр. — с. 10

Левитинская левитация

Анатолий КИМ

Я ДАВНО знаю этот театр — со времен его первого взлета. Тогда для себя я не сформулировал, в чем его особенность, но прийти в «Эрмитаж» было нечто иное, чем пойти в любой другой театр. Помню успех «Содоменной шляпки», «Нищего, или Смерти Занда». Тогда я настолько полюбил «Эрмитаж», что специально написал для него пьесу «Пионовый фонарь» по одноименной старинной японской повести. К сожалению, она так и не была поставлена здесь. И вот наступили новые времена, я вернулся из-за границы и после семилетнего перерыва вновь пришел в театр «Эрмитаж».

Новые спектакли — одинаковые по уровню и совершенно разные по интонации. «Безразмерное Ким-тянго» — некая элегия по поводу прошлого. «Живой труп» — там большей частью работает психология, выхлестывается живая боль. «Леокадия, или Десять бесстыдных сцен» — вообще удивительная вещь. Никакой эротики, тем более порнографии, а филологическая жизнь. Ведь, собственно говоря, что она может предложить человеку, кроме того, чем герои и занимаются на сцене? И вот они смешно колышутся, враждуют, боятся, хоят, обмывают. Взыскуют любви и пытаются заменить ее суррогатом. Это очень печальная вещь. Мы взрослые люди и прекрасно осознаем, что эротическая сторона жизни разочаровывает: она смешна, не очень красива. Ну для самих участников красива, но, в общем-то, вполне животное действо. А что

делает театр? Переводит это на язык танца, оставляя только смешное. Ведь если на это смотреть не со смехом, то получится совсем по Толстому, который говорил в старости: «Молодой человек, не надо жить половой жизнью». Тот ему: «Лев Николаевич, тогда род человеческий вырождается». А Толстой: «Ну, когда-нибудь ему же нужно вырождаться...»

Последняя работа произвела на меня сильнейшее впечатление — общая с зрком праздничность среди чужого мира. Это особенность «Эрмитажа». На трех спектаклях в «Эрмитаже» я три раза был счастлив. И снова задумался: почему такое особенное настроение именно в этом театре? Состав труппы почти новый, прежних актеров осталось немного. Но мне кажется, театр всегда был таким. Наверное, здесь происходит нечто таинственное: здесь удерживаются даже не единомышленники, но «единодушники», «единосердешники», что ли. С таким же отношением к жизни, как у режиссера Михаила Левитина. Отношением к жизни как празднику, который всегда с тобой. И желанием пригласить к соучастию в карнавале жизни. Жуткий подтекст подлинной, некарнавальной жизни, конечно, ощущается и здесь. Но свое отношение к этому подтексту «Эрмитаж» выражает как этакую веселую «разборку». С торжеством, с самоутверждением.

Раньше я воспринимал «Эрмитаж» чисто эстетически, а теперь ощутил сформировавшуюся здесь философию. В новых спектаклях все прежнее сохранилось, но еще создается какой-то «резерв молчания» в душе, не исчеза-

ющий после спектакля, когда начинаешь *допереживать*. Как в паузе между музыкальными фразами, которая, как говорится, тоже «играет». Прежде веселые левитинских спектаклей носило эпатажный характер, доходило до отчаяния, даже несколько истерического. За эти годы «Эрмитаж», похоже, одолел экзистенциальные обстоятельства. Театр узнал нечто такое, что дает надежду: наше тяжкое кружение у черной дыры современного существования не есть последняя инстанция истины. Что же он угадал — «Эрмитаж»? Философию преодоления: поставив все точки над «i» в признании своей жалкой греховности, человек на секунду склонил голову в унылой покорности, но в неуловимое, неугадаваемое мгновение — взвивается в воздух шумная, яркая, сверкающая ракета-шутиха. И это веселье — настоящее, преодолевшее трагедию бытия. Я давно люблю Михаила Левитина за эту левитацию — умение взлетать одним лишь усилием духа над обстоятельствами времени.

Есть еще нечто для меня совершенно новое в «Эрмитаже». На площадке разыгрывается сразу несколько мизансцен одновременно — как некая fuga. Каждый актер ведет свою линию, но все это замечательным образом гармонизировано. Эта полифония мизансцен гораздо сильнее, чем плоскостное двухмерное сценическое действие. Плюс — партитура сценической пластики. Здесь, как в японском театре «Кабуки», расписаны партии сценического движения. И голосовая партитура у всех своя — каждый звучит в своем диапазоне. В этой пластике

философия театра выражается очень точно. К примеру, в «Живом трупе» все эти кувыркания и метания Протасова с револьвером. Кажется, просто ползал человек, а ведь абсолютно точно через пластику выражается его нерешительность, огромный страх перед самоубийством. По незавершенному первому образованию я театральный художник, мне много приходилось бывать в театрах, и всюду я видел тяжкий пот, дрожание рук, иногда просто страшную для актеров работу. А в этом театре — здесь же все без навеса — с каким удовольствием актеры играют! И все из-за полифонии, когда никто не является статистом. Каждому дано столько свободы, сколько он может скупать.

На мой взгляд, есть две театральные дороги. Может, их больше, но я знаю две. Один театр пошел от вертепа и кукол. Это реалистический театр Станиславского и театр с мховатской школой. Другой театр образовался от шаманов, ритуального действия, от ряженых. Это — балаган, ярмарочные площадки, всеобщий карнавал, который является особой мистической стороной жизни. «Эрмитаж» возвращает театральному действу именно мистику, которая вовлекает зрителей в сопереживание. Поэтому такая тяга к этому театру. Он дает новый импульс жить. Левитин — человек, обреченный на новый материал, новые постановки. Я как-то задал себе вопрос, не настанет ли момент, когда он, достигнув больших высот, скажет: ну, все, ребята, хватит! Но Левитин — скалолаз, всегда вверх. Так что вопрос в другом: куда он дальше?